

A romantic couple in formal attire. The woman is on the left, wearing a light-colored dress with a lace shoulder detail, holding a bouquet of white roses. The man is on the right, wearing a dark tuxedo with a white shirt and a light-colored bow tie, holding a single white rose. The background is a soft, out-of-focus grey.

Сергей Патрушев

Слезы девушки. Белые розы

Сергей Патрушев

Слёзы девушки. Белые розы

<https://litres.ru/74070401>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда любовь всей твоей жизни оставляет на журнальном столике девять белых роз и записку «Прости, любовь остыла, ты достойна лучшего» — мир рушится в одно мгновение. Алиса знает это слишком хорошо. Она поверила ему — яркому, харизматичному, тому, кто называл её единственной и неповторимой. А он просто ушёл, оставив после себя лишь холод лепестков и тишину пустой квартиры.

Эта книга — не просто история о разбитом сердце. Это долгий, мучительный и прекрасный путь от боли к исцелению. От эмоциональных качелей, на которых качается израненная душа, к тихому свету настоящей любви. От слёз бессонных ночей к счастью, которое приходит не тогда, когда его ждёшь, а тогда, когда наконец учишься прощать.

Здесь переплетаются судьбы матери и дочери, отца, который совершил слишком много ошибок, и музыки, ставшей для них единственным языком правды. Здесь будут предательство и искупление, слава и одиночество, десять женщин, десять детей и одна песня, которую подхватит весь мир.

Содержание

Глава	4
Глава первая. Белые розы	4
Глава вторая. Голоса в тишине	16
Глава третья. Стальной каркас	28
Глава четвёртая. Дневной свет	41
Глава пятая. Гром среди ясного неба	55
Глава шестая. Сотня отказов	67
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Слёзы девушки. Белые розы

Глава

Глава первая. Белые розы

Алиса стояла посреди комнаты, сжимая в руках маленькую карточку из плотной бумаги, и не могла пошевелиться. Мир вокруг неё сузился до размеров этого клочка, на котором аккуратным, почти каллиграфическим почерком были выведены слова, разбившие её жизнь на «до» и «после». Буквы не расплывались перед глазами, не двоились, они были чёткими и безжалостными в своей простоте. «Прости. Любовь остыла. Ты достойна лучшего». Три коротких предложения, уместившихся на одной стороне карточки, перечеркнули полтора года счастья, планов, надежд, общего будущего, которое ещё вчера казалось незыблемым.

Букет из девяти белых роз лежал на журнальном столике, небрежно завёрнутый в прозрачную плёнку, перевязанную атласной лентой. Розы были безупречны — свежие, тугие бу-

тоны с едва заметным кремовым оттенком у основания лепестков, без единого изъяна, словно их только что срезали в оранжерее где-то в далёкой Голландии. Девять роз. Алиса помнила, как однажды, в самом начале их отношений, она рассказала Артёму, что нечётное количество цветов дарят живым, а чётное — мёртвым. Он тогда рассмеялся, назвал её суеверной, но с тех пор всегда приносил нечётное количество. Девять роз. Символ вечной любви, если верить языку цветов. Какая горькая ирония — именно девять роз он оставил в качестве прощального подарка.

Она опустила взгляд на карточку и снова перечитала слова, которые, казалось, впечатались в её сознание огненными буквами. «Любовь остыла». Как может остыть то, что ещё вчера горело? Как может исчезнуть то, что казалось вечным? Алиса вспомнила их последний разговор. Это было позавчера, самым обычным вечером, когда ничего не предвещало катастрофы. Они сидели на кухне в этой самой квартире, пили чай с мятой, и Артём рассказывал о своих планах на работе — он работал в крупном рекламном агентстве, его карьера стремительно шла в гору, его ценили, ему прочили место креативного директора. Он говорил с воодушевлением, с тем самым заразительным энтузиазмом, который так привлекал в нём людей. Алиса слушала, подперев подбородок ладонью, и думала о том, как ей повезло. Вот так просто — повезло встретить человека, рядом с которым хочется про-

сыпаться каждое утро.

Артём действительно был ярким. Ослепительно ярким. Когда он входил в помещение, казалось, что зажигается дополнительный источник света. Высокий, широкоплечий, с тёмными волосами, вечно падающими на лоб небрежной волной, которую он привычным жестом откидывал назад, с карими глазами, в которых плясали золотистые искры, с открытой белозубой улыбкой, способной растопить сердце самого чёрствого человека. Он обладал той редкой харизмой, которая не оставляет равнодушным никого — на него оборачивались на улице, с ним хотели дружить, ему стремились подражать. Он умел говорить так, что каждое слово казалось откровением, умел слушать так, что собеседник чувствовал себя единственным человеком во вселенной. От него исходила энергия, сравнимая, пожалуй, с энергией небольшого солнца. И эта энергия питала, согревала, дарила ощущение полноты жизни.

Алиса познакомилась с ним полтора года назад на выставке современного искусства, куда её пригласила подруга. Она тогда стояла у инсталляции, представлявшей собой бесконечный лабиринт из зеркал и светодиодов, и пыталась понять, что хотел сказать автор. Артём подошёл к ней сам — просто подошёл и спросил, нравится ли ей этот лабиринт отражений. Она ответила что-то невпопад, смутившись под

его прямым, изучающим взглядом. Он улыбнулся, и всё вокруг словно остановилось. В тот вечер они проговорили до закрытия выставочного центра, а потом гуляли по ночной Москве, пили кофе из бумажных стаканчиков, смеялись над какими-то глупыми шутками. Алиса чувствовала себя так, будто знает его тысячу лет. Будто они встретились после долгой разлуки, а не увидели друг друга впервые.

Она помнила их первый поцелуй на набережной под морозящим дождём. Помнила, как горели фонари, отражаясь в мокром асфальте, как Артём накинул на её плечи свой пиджак, пахнувший дорогим парфюмом с нотками сандала и бергамота. Помнила, как он сказал, глядя ей в глаза: «Ты даже не представляешь, какое чудо, что мы встретились». И она верила. Как можно было не верить, когда такие слова произносились с такой искренностью, с таким чувством, что сомневаться в них было просто невозможно?

Месяц пролетел как одно мгновение. Артём ухаживал красиво, с размахом, как и всё, что он делал. Цветы каждую неделю, свидания в лучших ресторанах, спонтанные поездки за город на выходные, подарки, которые всегда оказывались именно тем, о чём она мечтала, но не решалась сказать вслух. Алиса чувствовала себя героиней романтического фильма, с той лишь разницей, что всё происходящее было настоящим. Когда Артём впервые сказал, что любит её, она расплакалась

от счастья. Это случилось спустя два месяца после знакомства, в новогоднюю ночь, под залпы фейерверков, разрывающих тёмное небо на тысячи сияющих осколков. Он обнял её за плечи, притянул к себе и прошептал на ухо: «Ты — единственная. Ты — неповторимая. Я никогда никого так не любил». И Алиса поверила. Всем сердцем, всей душой, без остатка, без оглядки, без страховочной сетки.

Теперь, вспоминая те слова, она ощущала, как внутри что-то сжимается в тугий болезненный узел. Неужели всё это было ложью? Неужели все эти признания, клятвы, обещания, планы на совместное будущее, разговоры о детях, о доме за городом, о путешествиях в дальние страны — неужели всё это было игрой? Спектаклем, в котором Артём исполнял главную роль, а она была лишь зрителем, наивно принимающим декорации за реальность? Но как можно так играть? Как можно смотреть в глаза, целовать, обнимать, шептать нежности, строить общие планы, если внутри уже нет чувств? Или они были, но потом действительно остыли? Но почему так внезапно, почему без предупреждения, без единого сигнала?

Алиса подошла к дивану и опустилась на него, всё ещё сжимая в руках карточку с прощальными словами. Розы на журнальном столике источали тонкий, едва уловимый аромат, который сейчас казался ей запахом предательства. Де-

вать белых роз. В день их знакомства Артём подарил ей одну белую розу — просто взял у цветочницы на выходе из метро и преподнёс с поклоном, как придворный кавалер. Она тогда рассмеялась, но розу сохранила — засушила между страницами любимой книги. Теперь тот жест казался символическим: одна роза в начале и девять в конце. Круг замкнулся.

Она перевела взгляд на своё отражение в большом зеркале, висящем на противоположной стене. Оттуда на неё смотрела красивая молодая женщина с длинными светлыми волосами, рассыпавшимися по плечам мягкими волнами. Тонкие черты лица, большие серо-голубые глаза, сейчас покрасневшие от слёз, которые всё никак не прольются, застыв где-то на грани. Высокие скулы, аккуратный нос, чётко очерченные губы. Алиса знала, что она красива — ей говорили об этом с детства, и она привыкла к комплиментам, воспринимая их как данность. Но сейчас, глядя на своё отражение, она не видела красоты. Она видела только боль и растерянность в собственных глазах.

«Ты достойна лучшего». Какая банальная, какая избитая фраза! Штамп, которым прикрываются, когда не хотят говорить правду. Или когда правды попросту нет, а есть только желание уйти красиво, не испачкавшись, сохранив лицо, оставшись в памяти не подлецом, а благородным человеком, который отпускает любимую ради её же блага. Алиса горько

усмехнулась. Если бы он действительно считал, что она достойна лучшего, он бы сам стал для неё этим лучшим. Он бы боролся, он бы пытался сохранить отношения, он бы говорил о проблемах, а не ставил перед фактом. Но он предпочёл просто уйти. Просто исчезнуть, оставив цветы и записку, словно компенсацию за полтора года жизни.

Она поднялась с дивана и прошла в спальню. Здесь всё напоминало о нём. Его подушка, на которой ещё, казалось, сохранился запах его волос. Его домашние тапочки, аккуратно стоящие у кровати. Его книга, забытая на прикроватной тумбочке — какой-то бизнес-роман про успешный успех, заложенный на середине. Алиса взяла книгу в руки, пролиставла, не видя текста. Потом аккуратно положила обратно. Она не знала, заберёт ли Артём свои вещи, или они останутся здесь немymi свидетелями их несостоявшегося совместного будущего.

Она вспомнила, как они выбирали эту квартиру. Полгода назад, когда Артём предложил съехаться. Он сказал, что не хочет больше расставаться с ней ни на день, что каждый вечер, проведённый порознь, кажется ему потерянным. Они вместе смотрели варианты, вместе обсуждали планировки, вместе мечтали, как обустроят всё по своему вкусу. Эта квартира стала их первым настоящим домом. Алиса перевезла сюда свои вещи, развесила фотографии в рамках, расставила

книги на полках, купила комнатные растения. Она вложила душу в создание уюта, в каждую мелочь, в каждую деталь интерьера. И теперь всё это казалось декорацией к спектаклю, который окончен.

Она вернулась в гостиную, остановилась у журнального столика, глядя на розы. Девять штук. Белые, как подвенечное платье, как символ невинности, как чистый лист, на котором ещё ничего не написано. Может быть, в этом и заключалось его послание? Может быть, он хотел сказать, что их история начинается заново? Но нет — записка не оставляла пространства для двусмысленных толкований. «Любовь остыла». Прошедшее время. Глагол совершенного вида. Действие завершено, результат налицо. На лице — слёзы, в сердце — пустота, в руках — карточка с тремя предложениями, поставившими точку в полутора годах счастья.

Алиса почувствовала, как по щеке всё-таки скатилась первая слеза. Горячая, солёная, она медленно проложила дорожку к подбородку и упала на блузку, оставив крошечное тёмное пятнышко. Следом за первой покатились вторая, третья, и вот она уже плакала навзрыд, не сдерживаясь, не пытаясь сохранить лицо даже перед самой собой. Плечи вздрагивали, дыхание сбивалось, из горла вырывались глухие рыдания, каких она не позволяла себе, кажется, с самого детства.

Она плакала не о том, что осталась одна — одиночества Алиса не боялась. Она плакала о доверии, которое оказалось растоптанным. О вере, которая была обманута. О тех словах, которые теперь, задним числом, казались пустыми и фальшивыми, как дешёвые ёлочные игрушки, блестящие снаружи и пустые внутри. «Ты единственная, ты неповторимая» — сколько раз он это говорил? При каждой встрече, при каждом прощании, в телефонных разговорах и сообщениях, в те моменты, когда они лежали в обнимку и молчали, просто наслаждаясь присутствием друг друга. И каждый раз она верила. Потому что Артём обладал даром убеждения, который не оставлял сомнений. Потому что его глаза сияли искренностью. Потому что она сама хотела верить.

Теперь она понимала, что была ослеплена. Ослеплена его яркостью, его харизмой, его способностью быть центром любой вселенной. Она так увлеклась своей ролью — ролью любимой женщины при неотразимом мужчине, — что не заметила, когда декорации начали трещать по швам. А может быть, их и не было, этих трещин? Может быть, всё рухнуло в одночасье, как карточный домик от дуновения ветра? Может быть, Артём просто встретил кого-то другого? Или действительно разлюбил, и это произошло не вдруг, а постепенно, исподволь, пока она наслаждалась иллюзией стабильности?

Алиса вытерла слёзы рукавом, но они продолжали течь,

словно внутри прорвало какую-то невидимую плотину. Она снова посмотрела на букет. Ей захотелось выбросить его в окно, растоптать, разорвать на мелкие кусочки лепестки, сжечь вместе с запиской и развеять пепел по ветру. Но она не могла заставить себя дотронуться до цветов. Словно они были отравлены, словно прикосновение к ним могло её убить. Или, наоборот, словно через эти розы она всё ещё была связана с Артёмом, и, уничтожив их, она окончательно, бесповоротно порвёт эту связь. А она была ещё не готова. Не готова отпустить, хотя отпустить, по сути, было уже нечего.

Она прошла на кухню, налила в стакан воды, но пить не стала — просто стояла у окна, глядя на вечернюю Москву. Город жил своей жизнью — где-то сигналили автомобили, где-то звучала музыка из открытого окна, где-то спешили по своим делам люди, не подозревающие о том, что в одной конкретно взятой квартире только что разбилось чьё-то сердце. Обычный вечер. Обычный сентябрьский вечер, который ничем не отличался бы от сотен других, если бы не эта записка. «Прости. Любовь остыла. Ты достойна лучшего». Интересно, когда он писал эти слова? Когда покупал розы? Когда собирал вещи, чтобы съехать, пока её не было дома? Алиса вернулась из трёхдневной командировки в Санкт-Петербург и обнаружила пустую квартиру и букет на столе. Значит, у него было три дня на то, чтобы спланировать побег. Три дня, в течение которых она, ничего не подозревая, работала,

встречалась с клиентами, ходила по Эрмитажу в свободный вечер, думая о том, как придёт домой и расскажет Артёму о своих впечатлениях. Она даже купила ему подарок — смешной сувенирный галстук с видами Петербурга, зная, что он оценит шутку. Теперь этот галстук лежал в чемодане, став ненужным и бессмысленным, как и всё остальное.

Алиса сделала глоток воды. Горло саднило от слёз, голова начинала болеть — подступала мигрень, верная спутница сильных стрессов. Она знала, что ночь предстоит бессонная, что она будет ворочаться с боку на бок, прокручивая в голове последние полтора года, анализируя каждый разговор, каждый жест, каждое слово в поисках того момента, когда всё пошло не так. Она будет искать причину, виноватых, объяснения, которых, возможно, не существует вовсе. А может быть, причина проста и банальна — Артём просто оказался не тем человеком, за которого себя выдавал. Может быть, за ослепительной внешностью и харизмой скрывалась пустота, неспособность к глубоким чувствам, неготовность к настоящим отношениям. Влюбить в себя, покорить, завоевать, насладиться победой, а потом потерять интерес и пойти дальше, к новым вершинам.

Она поставила стакан на подоконник и обхватила себя руками за плечи, словно пытаясь защититься от холода, хотя в квартире было тепло. Ей вдруг стало очень одиноко —

так одиноко, как не было никогда в жизни. Раньше одиночество было её осознанным выбором, теперь же оно навалилось на неё помимо воли, оглушило, придавило своей тяжестью. Алиса подумала о том, что завтра придётся идти на работу, общаться с коллегами, делать вид, что ничего не случилось. Рассказывать или нет? Объяснять или хранить молчание? Она не знала. Сейчас она вообще ничего не знала, кроме одного: Артём ушёл. Ушёл, оставив девять белых роз и три предложения, каждое из которых было ножом в сердце.

Слёзы высохли так же внезапно, как и начались. На смену им пришла пустота — глухая, звенящая, всепоглощающая. Алиса медленно опустилась на пол, прислонившись спиной к кухонному шкафу, и закрыла глаза. Где-то глубоко внутри, под слоями боли, обиды и разочарования, зарождалось новое чувство, пока ещё слабое и неуверенное, но готовое со временем вырасти и окрепнуть. Это была решимость. Решимость пережить этот удар, зализать раны и идти дальше. Но пока, в этот момент, она позволяла себе просто быть слабой. Просто сидеть на полу, обнимая себя за плечи, и слушать, как за окном шумит большой равнодушный город, в котором только что разбилось ещё одно сердце.

Глава вторая. Голоса в тишине

Прошла неделя. Целая неделя, которая промелькнула перед Алисой смазанным пятном, лишённым красок, звуков и смысла. Семь дней, каждый из которых был похож на предыдущий своей безысходной пустотой. Она просыпалась утром с одной и той же мыслью — мыслью о том, что Артёма больше нет. И каждый раз эта мысль обрушивалась на неё с новой силой, словно она узнавала о случившемся заново, словно память услужливо стирала боль на время сна, чтобы утром вернуть её с беспощадной свежестью.

Белые розы по-прежнему стояли на журнальном столике. Алиса не выбросила их, хотя каждый взгляд на букет отзывался тупой болью где-то под рёбрами. Она не меняла воду в вазе, и лепестки начали темнеть по краям, скручиваться, осыпаться на полированную поверхность стола. Засохшие, мёртвые, они напоминали о том, что и её любовь точно так же увяла — не сразу, постепенно, незаметно, пока не превратилась в нечто безжизненное, не подлежащее восстановлению. Записка лежала рядом, и Алиса перечитывала её снова и снова, словно надеясь найти в этих трёх предложениях скрытый смысл, тайное послание, которое объяснило бы всё. Но там были только слова. Простые, ясные, убийственные в

своей прямоте.

Она перестала есть на третий день. Просто не чувствовала голода — организм словно отключил эту функцию за ненадобностью, сосредоточив все ресурсы на переживании душевной боли. Коллеги на работе заметили перемены, но Алиса отделялась общими фразами про усталость, про недосып, про сезонную хандру. Она не хотела, чтобы её жалели. Она вообще не знала, чего хочет. Внутри неё поселилась гулкая, вибрирующая пустота, которая поглощала любые желания, любые стремления, любые попытки вернуться к нормальной жизни.

Работа больше не приносила удовлетворения. Раньше Алиса любила свою профессию — она была архитектором, создавала проекты жилых домов, видела красоту в чётких линиях и продуманных пропорциях. Теперь же чертежи казались ей бессмысленными значками на бумаге, а макеты — бездушными коробками, в которых никогда не будет жизни. Она сидела над очередным проектом, тупо глядя в монитор, и не могла заставить себя пошевелить мышкой. Мысли крутились вокруг одного и того же: как он мог? Почему он ушёл? Что она сделала не так?

Ночами становилось хуже всего. Днём ещё можно было притворяться, надевать маску нормальности, отвечать на

звонки, поддерживать видимость существования. Но ночью, когда город затихал, когда в квартире воцарялась тишина, нарушаемая лишь гулом холодильника да редкими звуками с улицы, — ночью Алиса оставалась один на один со своей болью. Она лежала в постели, глядя в потолок, и слёзы сами текли из глаз, беззвучно, непрерывно, до той степени опустошения, когда, кажется, плакать уже нечем, а они всё равно текут.

Подушка Артёма всё ещё хранила слабый, почти исчезнувший запах его волос. Алиса прижималась к ней лицом, вдыхала этот аромат, и воображение услужливо рисовало картины прошлого. Вот они засыпают в обнимку, и его дыхание щекочет её шею. Вот он бормочет что-то во сне и притягивает её ближе. Вот она просыпается раньше него и лежит, глядя на его расслабленное лицо, такое красивое в мягком утреннем свете. Эти воспоминания были пыткой, но она не могла от них отказаться, потому что кроме них у неё ничего не осталось.

На пятый день позвонила Кристина, самая близкая подруга. Они дружили с первого курса института, прошли вместе через многое — через сессии и экзамены, через влюблённости и расставания, через взлёты и падения. Кристина знала Алису лучше, чем кто-либо, и по голосу сразу поняла: что-то случилось. Серьёзное. Такое, о чём нельзя молчать.

— Ты можешь приехать, — сказала она тоном, не терпящим возражений. — Нет, не можешь. Ты должна приехать. Я жду тебя через час. Кофе будет готов.

Алиса не хотела никуда ехать. Ей хотелось остаться в своей берлоге, закутаться в одеяло с головой и лежать так бесконечно долго, пока боль не утихнет или пока она сама не исчезнет, растворится, перестанет существовать. Но Кристина была права: оставаться одной было опасно. Мысли закручивались в такие спирали, выбраться из которых самостоятельно она уже не могла.

Квартира Кристины пахла корицей и свежесваренным кофе. Этот запах был знакомым и успокаивающим, он возвращал в студенческие годы, когда всё было проще. Кристина обняла Алису с порога, крепко, по-настоящему, и та почувствовала, как защитные барьеры рушатся. Она разрыдалась прямо в прихожей, уткнувшись в плечо подруги, сотрясаясь от рыданий, не в силах вымолвить ни слова.

— Ну-ну, тише, — Кристина гладила её по голове, как маленькую. — Пойдём, сядем. Рассказывай всё по порядку.

И Алиса рассказала. О записке, о розах, о пустой квартире, которая встретила её после командировки. О том, как она

звонила Артёму и его номер оказался заблокирован. О том, как она пыталась найти его через социальные сети, но он удалил все совместные фотографии и вообще исчез из онлайна. О том, что она не знает, где он теперь живёт, с кем, и почему ушёл, толком не объяснив причин. О том, что эти полтора года она чувствовала себя любимой, нужной, единственной, а теперь всё рассыпалось, и она не понимает, была ли та любовь настоящей или только игрой.

Кристина слушала молча, не перебивая. Её лицо становилось всё мрачнее, а в глазах загорался тот самый огонёк праведного гнева, который Алиса хорошо знала. Но когда она заговорила, голос её звучал спокойно и рассудительно:

— Знаешь, Лиса, я никогда не доверяла Артёму до конца. Он был слишком... идеальным, что ли. Слишком правильным, слишком обаятельным. Такие люди обычно носят маску. И ты не первая, кого он очаровал и бросил, я уверена.

— Ты думаешь, он меня не любил? — голос Алисы дрогнул. — Совсем?

— Я думаю, он не способен любить. Есть такой тип мужчин — они коллекционируют влюблённости, как бабочек, насаживают на булавки и пополняют коллекцию. Ты была самой красивой бабочкой в его собрании, но коллекция долж-

на пополняться. Понимаешь?

Алиса понимала. Умом понимала, что Кристина, скорее всего, права. Что Артём действительно был слишком хорош, чтобы быть настоящим. Что его комплименты, его признания, его обещания были отработанной схемой, которую он применял не в первый раз. Но сердце отказывалось принимать эту правду. Сердце продолжало кричать о любви, о потере, о невосполнимой пустоте, которую никто и никогда не заполнит.

— Тебе нужно переключиться, — продолжала Кристина, подливая кофе. — Поехали куда-нибудь на выходные? Снимем домик за городом, погуляем по лесу, подышим свежим воздухом. Тебе нужно сменить обстановку, вырваться из этой квартиры, где каждая вещь напоминает о нём.

— Не поможет, — тихо ответила Алиса. — Я уже думала об этом. Дело не в квартире. Дело во мне. Он у меня внутри, Крис. В каждой мысли, в каждом воспоминании. Даже если я уеду на другой конец света, я возьму его с собой.

— Это пройдёт. Время лечит, поверь мне.

— А если не лечит? Если время просто притупляет боль, но не убирает её? Если через год, через два, через десять лет

я всё так же буду просыпаться с мыслью о нём?

Кристина вздохнула. Она знала Алису — та всегда была максималисткой, всегда доводила всё до крайности. Если любить — то навсегда, если страдать — то до самого дна. И сейчас подруга тонула в этом страдании, и вытащить её можно было только одним способом — быть рядом. Просто быть рядом, не давать окончательно захлебнуться.

Они проговорили до позднего вечера. Кристина приводила рациональные аргументы, Алиса отвечала эмоциональными контраргументами. Кристина предлагала решения, Алиса находила причины, по которым они не сработают. Это был бег по кругу, но даже такой разговор был лучше, чем молчаливое одиночество пустой квартиры.

— Знаешь что, — сказала Кристина, когда стрелки часов перевалили за полночь. — Оставайся у меня. Не ездь домой. Тебе нельзя сейчас быть одной.

— Нет, я поеду. Мне нужно... не знаю. Мне нужно быть там, где он был. Это глупо, да?

— Это не глупо. Это больно. Но это твой выбор. Только обещай, что позвонишь, если станет совсем плохо. В любое время, слышишь? Я всегда возьму трубку.

Алиса пообещала, хотя не была уверена, что сможет сдержать слово. Ей было стыдно за свою слабость, за то, что она так расклеилась из-за мужчины, который, возможно, вообще не стоил её слёз. Но стыд не отменял боли, и боль эта требовала выхода.

Дома, оставшись одна, Алиса снова погрузилась в свою тоску. Она бродила по квартире, трогала вещи, вспоминала. Вот кружка, из которой Артём пил чай — с дурацкой надписью «Лучшему боссу», хотя он тогда ещё не был боссом. Вот афиша фильма, на который они ходили в кино в прошлом месяце. Вот его свитер, забытый на спинке стула, — она надела его, укуталась, вдыхая остатки запаха, и почувствовала себя ещё более жалкой.

Прошло ещё два дня, и Алиса поняла, что находится на грани. Не на грани какого-то конкретного решения или действия, а на грани рассудка. Мысли путались, реальность искажалась, и она уже с трудом отличала воспоминания от фантазий. Ей начало казаться, что Артём всё ещё рядом — она слышала его шаги в соседней комнате, его голос в шуме воды из крана, его дыхание в завываниях ветра за окном. Она вздрагивала от телефонных звонков, надеясь, что это он, и каждый раз разочаровывалась, видя на экране другое имя.

Тогда она позвонила Марине. Они не были близкими подругами, скорее приятельницами — встречались на каких-то мероприятиях, иногда пили кофе, обсуждали работу и моду. Но сейчас Алисе нужен был свежий взгляд, взгляд человека, который не знает её настолько хорошо, чтобы жалеть, и не настолько плохо, чтобы быть равнодушным.

Марина согласилась встретиться в кафе, и Алиса поехала туда, хотя каждое движение давалось ей с невероятным трудом. Она надела самое простое платье, собрала волосы в небрежный пучок, даже не стала краситься — какая разница, если весь мир рухнул?

Кафе было шумным и людным, и этот шум раздражал, мешал сосредоточиться. Марина, элегантная брюнетка с безупречным макияжем, смотрела на Алису с плохо скрываемым удивлением.

— Ты ужасно выглядишь, — сказала она с прямотой, которую Алиса в другое время сочла бы бестактной. — Что случилось?

— Меня бросили, — ответила Алиса, понимая, как по-детски это звучит.

— Артём? — уточнила Марина, хотя можно было и не

уточнять. — Знаешь, я никогда не понимала, что ты в нём нашла. Да, он красивый, да, харизматичный. Но он же пустой, как барабан. Я это сразу поняла, ещё на той вечеринке у Сергеевых. Он говорил только о себе и смотрел только на себя в отражениях витрин. Типичный нарцисс.

— Ты не знаешь его, — возразила Алиса, чувствуя, как внутри поднимается глухое раздражение. Она пришла за утешением, а не за критикой того, кого продолжает любить.

— Я знаю таких мужчин, — отмахнулась Марина. — Их полно. Они как конфеты в яркой обёртке — разворачиваешь, а внутри пустота. Послушай моего совета: забудь его. Заведи роман с кем-нибудь другим. Клин клином вышибают, это древняя мудрость, и она работает.

— Я не могу завести роман. Я не хочу никого другого.

— Это сейчас не хочешь. А заставишь себя — и захочешь. Нужно просто сделать первый шаг. Давай я тебя с кем-нибудь познакомлю? У меня есть на примете пара симпатичных холостяков. Один, правда, слегка лысоват, но зато с чувством юмора. А второй — спортсмен, весь такой рельефный, просто мечта.

Алиса отрицательно покачала головой. Она представила

себя рядом с незнакомым мужчиной — лысоватым или рельефным, неважно — и почувствовала почти физическое отращение. Ей нужен был только Артём, только его глаза, его голос, его прикосновения. Никто другой не мог заполнить ту зияющую пустоту, которую он оставил.

Разговор с Мариной не помог. Наоборот, он убедил Алису в том, что никто не способен её понять. Подруги давали советы, каждая исходя из своего опыта и мировоззрения, но все эти советы были бесполезны, потому что адресат их не воспринимал. Алиса не хотела забывать Артёма. Она не хотела переключаться на кого-то другого. Она хотела вернуть его, вернуть то время, когда она была счастлива, — а это было невозможно.

Вечером, вернувшись домой, она села на пол посреди гостиной и завывала. Именно завывала, по-звериному, не контролируя себя. Слезы лились ручьями, грудь сдавливал спазм, дышать было почти невозможно. Она схватила с журнального столика засохший букет и швырнула его об стену. Сухие лепестки разлетелись по комнате, как пепел, стебли сломались, а ваза упала и разбилась вдребезги. Звук бьющегося стекла немного отрезвил Алису, вернул к реальности. Она замерла, глядя на осколки, и подумала, что её сердце сейчас выглядит точно так же — разбитое на тысячи мелких кусочков, которые невозможно собрать.

Алиса подползла к тому месту, где среди осколков белела карточка с запиской. Она взяла её дрожащими пальцами и снова перечитала слова, которые знала уже наизусть. «Прости. Любовь остыла. Ты достойна лучшего». И вдруг, впервые за всё это время, сквозь боль и отчаяние пробился гнев. Чистый, обжигающий, освобождающий гнев. Как он посмел? Как он посмел решить за неё, чего она достойна? Как он посмел распорядиться её жизнью, её чувствами, её будущим? Кто дал ему такое право?

Она смяла карточку в кулаке, но разжать пальцы, чтобы выбросить её, не смогла. Гнев схлынул так же быстро, как и появился, оставив после себя только усталость и пустоту. Алиса легла на пол, среди засохших лепестков и осколков стекла, и закрыла глаза. Ей хотелось уснуть и не просыпаться. Или проснуться в другом мире, в другой жизни, где Артём никуда не уходил, где он всё так же улыбается ей и говорит, что она у него единственная и неповторимая. Но реальность была иной, и с этим ничего нельзя было поделать.

Глава третья. Стальной каркас

Прошёл месяц. Октябрь раскрасил город охрой и багрянцем, залил улицы холодным золотом опавшей листвы, наполнил воздух той особенной прозрачностью, какая бывает только в середине осени. Алиса стояла у зеркала в спортивном топе и леггинсах, рассматривая своё отражение, и не узнавала себя. Вернее, узнавала, но это была какая-то другая Алиса — более подтянутая, более стройная, с новым, незнакомым выражением глаз.

Спорт вошёл в её жизнь не как спасение, не как терапия, а как наказание. Наказание собственному телу за то, что оно продолжало жить, когда душа, казалось, уже умерла. Первые две недели она просто ходила в тренажёрный зал, потому что нужно было чем-то занять вечера, которые раньше принадлежали Артёму. Нужно было заполнить пустоту хоть чем-нибудь — пусть даже монотонным движением на беговой дорожке, пусть даже болью в мышцах после непривычных упражнений, пусть даже бездумным следованием указаниям тренера.

Она выбрала лучший фитнес-клуб в городе — с панорамными окнами, выходящими на набережную, с дизайнерским

интерьером, с новейшими тренажёрами, сияющими хромом и матовым пластиком. Алиса всегда могла позволить себе самое лучшее, но раньше это лучшее предназначалось для того, чтобы радовать Артёма. Теперь она тратила деньги на себя, и это было непривычно, странно, почти болезненно.

Первая тренировка закончилась слёзами. Не от усталости — от унижения. Алиса поняла, насколько она слаба физически. Все эти полтора года она жила любовью, питалась эмоциями, забыла о собственном теле. И тело ответило ей предательской слабостью, дрожащими коленями после десятка приседаний, сбитым дыханием после пяти минут кардио. Она ушла из зала, чувствуя себя разбитой, и поклялась больше не возвращаться. Но на следующий день пришла снова. Потому что возвращаться было некуда. Пустая квартира пугала её больше, чем самая изнурительная тренировка.

Тренером оказался мужчина лет тридцати пяти по имени Роман — спокойный, немногословный, с телом атлета и глазами философа. Он не задавал лишних вопросов, не лез в душу, просто делал свою работу. Показывал упражнения, поправлял технику, увеличивал нагрузки постепенно, без рывков. Алиса была благодарна ему за это молчаливое профессионалистическое равнодушие. Ей не нужны были разговоры, ей нужно было действие. Действие, которое заглушало бы мысли.

Через неделю она заметила первые изменения. Мышцы начали привыкать к нагрузкам, тело стало послушнее, движения — увереннее. Через две недели она уже не падала без сил после тренировки, а чувствовала странный, почти забытый прилив энергии. Через три недели она поймала себя на том, что ждёт вечера, чтобы снова пойти в зал. Это было единственное место, где она могла не думать об Артёме. Вернее, думать, но как-то иначе — мысли становились тише, отступали на задний план, уступая место физическим ощущениям: напряжению мышц, ритму дыхания, стуку сердца.

Роман постепенно усложнял программу. Добавил силовые упражнения, потом интервальные тренировки, потом элементы функционального тренинга. Алиса выполняла всё с какой-то остервенелой старательностью, словно пытаясь доказать самой себе, что она на что-то способна. Она не пропускала ни одной тренировки, приходила даже в те дни, когда тело просило отдыха. Роман качал головой, но не спорил — он видел, что эта женщина приходит в зал не за здоровьем, а за забвением, и забвение было для неё важнее здоровья.

Через полтора месяца Алиса впервые за долгое время посмотрела на себя в зеркало не с отвращением, а с интересом. Тело изменилось. Пропала болезненная худоба, которая по-

явилась в первые недели после ухода Артёма, когда она почти ничего не ела. Вместо неё проступили очертания мышц — пока ещё лёгкие, едва заметные, но уже меняющие силуэт. Талия стала тоньше, бёдра — более подтянутыми, руки приобрели рельеф, о котором Алиса раньше видела только в журналах. Кожа сияла здоровьем, глаза блестели — правда, этот блеск был скорее лихорадочным, чем радостным.

Она смотрела на своё отражение и думала о том, что сказал бы Артём, если бы увидел её сейчас. «Ты стала ещё красивее», — наверное, сказал бы он, потому что он всегда говорил правильные слова. А потом добавил бы что-нибудь про то, что она у него единственная и неповторимая, и поцеловал бы в шею, и притянул бы к себе. Алиса тряхнула головой, отгоняя наваждение. Не нужно. Не думать. Думать — больно, не думать — ещё больнее, но хотя бы терпимо.

Она перешла на правильное питание не потому, что хотела похудеть, а потому что этого требовал новый образ жизни. Организм, получающий регулярные физические нагрузки, сам отказывался от вредной еды. Алиса завтракала овсянкой с ягодами, обедала куриной грудкой с овощами, ужинала рыбой на пару. Она пила воду вместо кофе, зелёный чай вместо вина, свежевыжатые соки вместо коктейлей. Это не было диетой — это было строительством. Она строила себя заново, клетку за клеткой, мышцу за мышцей.

Коллеги на работе заметили перемены. Сначала осторожно интересовались, не случилось ли чего. Потом начали делать комплименты — сначала робкие, потом всё более откровенные. Мужская часть офиса смотрела на Алису с восхищением, смешанным с удивлением. Она всегда была красивой, но теперь к красоте добавилась какая-то новая энергия, внутренняя сила, которая притягивала взгляды. Алиса принимала комплименты с вежливой улыбкой, которая не затрагивала глаз. За эту улыбку она прозвала себя мысленно «Мисс Фарфор» — идеальная снаружи, пустая внутри.

Однажды в офис заехала Кристина. Она не видела подругу почти месяц — Алиса умело избегала встреч, отговариваясь занятостью, хотя на самом деле просто не хотела никого видеть. Кристина вошла в кабинет и замерла на пороге, разглядывая Алису с таким выражением, словно увидела призрака.

— Ничего себе, — выдохнула она наконец. — Ты... ты выглядишь потрясающе. Что ты с собой сделала?

— Спорт, правильное питание, здоровый сон, — отрапортовала Алиса тоном, которым обычно отвечают на вопросы о погоде.

— Я серьёзно. Ты сияешь. Ты выглядишь как модель с обложки. Честное слово, я тебя даже не сразу узнала. Похудела, подтянулась, кожа светится, глаза горят. Что, неужели появился кто-то новый?

— Нет. Никого нет.

— Тогда в чём секрет?

— Секрет в том, что я решила заняться собой, — Алиса пожала плечами. — В кои-то веки.

Кристина присела на край стола, изучая подругу внимательным взглядом. Она знала Алису слишком хорошо, чтобы купиться на этот беззаботный тон. За внешним лоском, за сияющей оболочкой она видела что-то надломленное, что-то болезненное, спрятанное очень глубоко.

— Алис, — сказала она тихо. — Ты можешь мне не врать. Я же вижу: ты улыбаешься, но глаза у тебя плачут.

— Глаза не могут плакать, если лицо улыбается, — ответила Алиса с той самой фарфоровой улыбкой. — Это физиология.

— Не ёрничай. Я серьёзно. Ты можешь обмануть кого

угодно, но не меня. Мы знакомы пятнадцать лет. Я помню тебя первокурсницей с дурацкой чёлкой и огромным рюкзаком. Я знаю, когда ты счастлива, а когда притворяешься. И сейчас ты притворяешься.

Алиса отвернулась к окну. За стеклом моросил мелкий октябрьский дождь, превращая город в размытое акварельное пятно. В такое утро хотелось остаться в постели, закутаться в одеяло и никуда не выходить. Но она не могла себе этого позволить. Она должна была быть сильной. Она должна была доказать — кому? Артёму, который никогда её не увидит? Себе, которая не верила в собственные силы? Всему миру, которому не было до неё никакого дела?

— Мне больно, Крис, — сказала она наконец. — Мне очень больно. Каждый день. Каждую минуту. Я просыпаюсь утром, и первая мысль — о нём. Я засыпаю вечером, и последняя мысль — тоже о нём. Я хожу в спортзал не потому, что мне нравится, а потому что это единственное место, где я могу забыться хотя бы на час. Я правильно питаюсь не потому, что хочу быть здоровой, а потому что мне нужно чем-то себя занять. Я улыбаюсь не потому, что мне весело, а потому что я не хочу, чтобы меня жалели. Вот такая правда. Хочешь ещё?

Кристина подошла и обняла Алису за плечи. Та не сопро-

тивлялась, но и не ответила на объятие — стояла неподвижно, как статуя, глядя в окно.

— Это неправильно, — сказала Кристина. — Нельзя загонять боль внутрь. Она там растёт, понимаешь? Как опухоль. Ты улыбаешься, а она растёт. Ты занимаешься спортом, а она растёт. Ты притворяешься счастливой, а она растёт. И однажды она вырастет настолько, что разорвёт тебя изнутри.

— Может быть, это будет не так уж плохо, — тихо ответила Алиса.

Кристина отстранилась и заглянула подруге в лицо. В серо-голубых глазах Алисы стояла такая тоска, такая безысходная, глубокая печаль, что у Кристины сжалось сердце. Внешняя красота, которой восхищались окружающие, была лишь маской, золотой оправой для драгоценного камня боли, сияющего мрачным светом изнутри.

— Ты пробовала сходить к психологу? — спросила она осторожно.

— Пробовала. Два сеанса. Не помогло. Она говорила про стадии принятия, про необходимость проживать эмоции, про какие-то техники самопомощи. А я сидела и думала: ты не знаешь, каково это — потерять человека, который был

для тебя целым миром. Ты не знаешь, каково это — верить каждому слову, а потом узнать, что слова ничего не значили. Ты рассуждаешь о боли теоретически, а я живу в ней практически.

— Может быть, нужно найти другого специалиста?

— Может быть. Но я устала, Крис. Я устала искать, устала пробовать, устала надеяться. Единственное, что у меня сейчас получается, — это делать вид, что всё хорошо. Давай оставим всё как есть. Рано или поздно это закончится. Всегда заканчивается, правда?

Вечером Алиса пришла в спортзал и тренировалась с таким остервенением, что Роман даже приостановил занятие.

— Полегче, — сказал он. — Ты так травму заработаешь. Куда ты так спешишь?

— Никуда, — ответила она, переводя дыхание. — Просто хочу стать сильнее.

— Сила — это не только мышцы, — заметил он. — Сила — это ещё и умение вовремя остановиться.

— Я не умею останавливаться, — бросила Алиса и взялась

за гантели.

В зале было многолюдно. Мужчины бросали на неё заинтересованные взгляды — высокая блондинка с точеной фигурой, одетая в облегающую спортивную форму, невольно привлекала внимание. Некоторые пытались заговорить, но натыкались на ледяную вежливость и отступали. Алиса не была грубой, она была непроницаемой — как стеклянная стена, сквозь которую всё видно, но пройти невозможно.

Один парень оказался особенно настойчивым. Высокий, широкоплечий, с модной стрижкой и уверенной улыбкой человека, привыкшего получать желаемое. Он подошёл, когда Алиса делала растяжку после тренировки, и заговорил с той непринуждённостью, которая обычно действует безотказно:

— Привет. Я тебя здесь часто вижу. Ты очень красивая. Может, познакомимся? Меня Денис зовут.

Алиса подняла на него глаза. Денис был действительно хорош собой — таких девушки обычно не отшивают. Но она не была «девушками», она была Алисой, внутри которой жила боль по имени Артём.

— Спасибо за комплимент, — сказала она ровным голосом. — Но я не знакомлюсь.

— Почему? У тебя есть парень?

— Нет. Просто не знакомлюсь.

— Но мы же уже разговариваем, — улыбнулся он. — Значит, знакомимся.

Алиса закончила растяжку и встала. Денис был выше её на полголовы, но она смотрела на него так, словно он стоял где-то далеко внизу.

— Послушай, Денис. Ты симпатичный парень, и я уверена, что у тебя нет проблем с девушками. Но я не та, кто тебе нужен. Правда. Не трать время.

Она ушла, оставив его стоять в растерянности. Раньше Алиса не была такой резкой, но сейчас у неё не было сил на политес. Каждый разговор с незнакомым мужчиной вызывал только одно желание — поскорее его закончить. Она не хотела ни с кем знакомиться, не хотела никого впускать в свою жизнь. Её жизнь была закрыта на замок, а ключ выброшен в реку.

По дороге домой она зашла в супермаркет. Двигаясь между рядами с механической отстранённостью, Алиса набира-

ла в корзину полезные продукты — авокадо, творог, куриное филе, свежие овощи. Очередь на кассе двигалась медленно, и она рассеянно скользила взглядом по обложкам журналов, разложенных на стойке. С одной из них смотрела счастливая пара — мужчина и женщина, держащиеся за руки. Реклама каких-то духов. «Любовь навсегда» — гласил слоган. Алиса усмехнулась про себя. Любовь навсегда. Как бы не так.

Дома она приготовила ужин, съела его без аппетита, пошла в душ. Горячая вода смывала усталость, но не смывала мыслей. Мысли были всё те же — об Артёме. Она вспоминала его лицо, его голос, его прикосновения. Вспоминала, как они принимали душ вместе, и он намыливал ей спину, а она хохотала, потому что боялась щекотки. Воспоминания были такими яркими, такими живыми, что казалось — протяни руку, и коснёшься его. Но рука протягивалась в пустоту.

Потом она сидела в гостиной, на том самом месте, где когда-то стоял диван — она передвинула мебель, чтобы ничто не напоминало о прошлом. Но прошлое жило не в мебели, оно жило в ней. Алиса взяла телефон, открыла фотогалерею. Пролистала снимки, на которых они с Артёмом были вместе. Вот они в парке, вот на море, вот на дне рождения Кристины. Счастливые лица, объятия, поцелуи. На одном из фото Артём смотрел на неё с таким обожанием, что сомнений быть не могло — в тот момент он действительно её любил. Или

ей только так казалось?

Она удалила все совместные фотографии. Одну за другой, не позволяя себе останавливаться, не давая слабину. Когда последний снимок исчез, Алиса отложила телефон и уставилась в стену. Внутри было пусто. Даже боль куда-то отступила, оставив только звенящую тишину.

Ночью ей приснился Артём. Он стоял на берегу моря, спиной к ней, и смотрел на закат. Она звала его, кричала, но он не оборачивался. А потом пошёл в воду, всё дальше и дальше, пока волны не сомкнулись над его головой. Алиса проснулась в холодном поту, с бьющимся сердцем, и долго не могла понять, где сон, а где реальность.

Утром она снова пошла в спортзал. Снова улыбалась коллегам. Снова принимала комплименты. И никто не знал, что за этой безупречной оболочкой скрывается душа, истекающая слезами. Никто не догадывался, что самая красивая девушка офиса каждую ночь плачет в подушку, а каждое утро собирает себя по кусочкам, как фарфоровую куклу, которую разбили, но склеили заново.

Глава четвёртая. Дневной свет

Декабрь наступил незаметно, укутав город в белоснежное покрывало первого снега. Витрины засверкали гирляндами, улицы наполнились предпраздничной суетой, а воздух — тем особенным предвкушением чуда, которое всегда приходит в канун Нового года. Алиса шагала по заснеженному тротуару, чувствуя, как морозный ветер приятно щиплет щёки, и думала о том, что жизнь, кажется, начинает налаживаться.

Прошло уже больше двух месяцев с того дня, как Артём ушёл, и три недели с тех пор, как она превратила спорт из наказания в образ жизни. Что-то неуловимо изменилось за это время. Боль никуда не делась, она по-прежнему жила где-то глубоко внутри, но теперь Алиса научилась носить её так, как носят старый шрам под одеждой — никто не видит, но ты знаешь, что он есть.

Дни стали приносить ей почти удовольствие. Почти — потому что настоящее, полноценное счастье всё ещё казалось недостижимой роскошью, но его бледное подобие уже начало просачиваться в её существование робкими лучами. Она просыпалась утром с желанием встать, а не лежать, уткнувшись в подушку до самого вечера. Она с интересом выбира-

ла наряд на работу, а не натягивала первое попавшееся лишь бы прикрыть тело. Она начала замечать красоту вокруг — иней на ветвях деревьев, закатное солнце, отражающееся в окнах высоток, причудливые узоры на замёрзших лужах.

На работе её ценили всё больше. Архитектурное бюро, где трудилась Алиса, получило крупный заказ на проектирование жилого комплекса в центре города, и её кандидатура рассматривалась как основная на роль ведущего архитектора проекта. Это было повышение, о котором она мечтала последние два года, но тогда, в прошлой жизни, её амбиции гасились желанием проводить больше времени с Артёмом. Теперь же ничего не мешало — только работай, только расти, только двигайся вперёд.

— Ты сегодня светишься, — заметила Кристина, когда они встретились за обедом в уютном ресторанчике недалеко от офиса. — Прямо как новогодняя ёлка. Что случилось? Неужели встретила кого-то?

Алиса рассмеялась. Смех прозвучал на удивление искренне, и она сама поразилась этому звуку, словно забыла, что умеет смеяться.

— Нет, никого я не встретила. Просто хорошее настроение. Просто жизнь продолжается. Просто я вдруг поняла,

что могу быть счастливой сама по себе, понимаешь? Без всяких «вторых половинок», без отношений, без всего этого.

— Ну наконец-то, — Кристина подняла бокал с безалкогольным мохито. — Я уж думала, ты никогда к этому не придёшь. За тебя. За новую Алису.

— За новую Алису, — согласилась она, и они чокнулись.

После обеда Алиса вернулась в бюро и с головой погрузилась в работу. Проект жилого комплекса требовал полной отдачи, и это было именно то, что нужно — полностью занять мозг, не оставляя места для ненужных мыслей. Она чертила, считала, обсуждала детали с коллегами, спорила с заказчиками, отстаивала свои идеи. И чувствовала себя живой. По-настоящему живой, а не той механической куклой, которой была ещё месяц назад.

Вечером она отправилась на тренировку. Тело уже привыкло к нагрузкам, и теперь каждое движение приносило радость. Мышцы работали слаженно, дыхание было ровным и глубоким, сердце билось в бодром ритме. Алиса бежала по дорожке, глядя на заснеженную набережную за панорамным окном, и чувствовала удивительную гармонию с собственным телом. Она стала сильнее, выносливее, гибче. Она научилась слышать свой организм и давать ему то, что нужно.

После тренировки к ней снова подошёл Денис. За прошедшие недели он предпринял ещё несколько попыток познакомиться поближе, но Алиса неизменно держала дистанцию. Однако он не сдавался, и это даже вызывало уважение.

— Слушай, я понимаю, что ты не хочешь отношений, — сказал он, присаживаясь рядом на скамью, где она отдыхала после упражнений. — Но может, просто сходим куда-нибудь как друзья? Кофе попьём, поболтаем. Без всяких обязательств.

Алиса посмотрела на него. Денис был действительно симпатичным и, кажется, неглупым. И главное — он не был Артёмом. Он был кем-то совершенно другим, с другой энергетикой, с другим взглядом на жизнь. Может быть, в этом и заключалось спасение — позволить себе простое человеческое общение без оглядки на прошлое?

— Хорошо, — сказала она, удивляясь собственным словам. — Давай выпьем кофе. Только кофе, Денис. Ничего больше.

— Только кофе, — улыбнулся он. — Я всё понял. Когда?

Они договорились на субботу. Алиса шла домой и чув-

ствовала себя почти героиней. Она согласилась на свидание — пусть даже дружеское, но всё же свидание — впервые после разрыва с Артёмом. Это был шаг вперёд, маленький, но важный. Она возвращалась к жизни, и это было прекрасно.

Дома её ждал приятный вечер. Она зажгла свечи, налила себе бокал белого вина — можно было позволить себе немного расслабиться, — включила любимый плейлист и принялась готовить ужин. Никаких полуфабрикатов, только свежие продукты, только правильное питание. Лосось на гриле с овощами, лёгкий салат с рукколой и пармезаном, травяной чай на десерт. Она ела и наслаждалась вкусом — настоящим, живым вкусом еды, который почти перестала чувствовать за время своей депрессии.

Потом был фильм — старая французская комедия, которую она давно хотела посмотреть, но всё откладывала. Алиса смеялась над шутками, переживала за героев, а когда пошли финальные титры, с удивлением обнаружила, что за весь вечер ни разу не вспомнила об Артёме. Это была маленькая победа. Очень маленькая, но победа.

В субботу она встретилась с Денисом в кофейне на Арбате. Он был галантен, остроумен, рассказывал забавные истории из своей жизни. Алиса слушала, улыбалась, поддерживала беседу. Ей было легко с ним — удивительно легко, ес-

ли учесть, что ещё недавно она не могла выносить общества мужчин. Они гуляли по заснеженным переулкам, зашли в книжный магазин, где Денис купил ей сборник стихов Ахматовой, узнав, что она любит поэзию. Потом снова пили кофе, на этот раз с круассанами, и болтали обо всём на свете.

— Знаешь, ты совсем не такая, какой кажешься на первый взгляд, — сказал Денис, когда они прощались у метро.

— А какой я кажусь?

— Холодной. Непрístupной. Снежной королевой. А на самом деле ты тёплая. Очень тёплая.

Алиса улыбнулась. Тёплая. Странно было слышать это слово в свой адрес. Ей казалось, что внутри неё поселилась вечная мерзлота.

— Спасибо за день, Денис. Мне было хорошо.

— Может, повторим как-нибудь?

— Может быть.

Она не стала обещать, но и не отказала. Оставила дверь приоткрытой — для него, для будущего, для новой жизни.

Домой Алиса возвращалась в приподнятом настроении. Москва сияла предновогодними огнями, на Красной площади уже монтировали каток, в воздухе пахло хвоей и мандаринами — вечными спутниками приближающегося праздника. Она шла по улице и думала о том, что год, начавшийся так хорошо и превратившийся в кошмар, заканчивается на оптимистической ноте. Она выжила. Она справилась. Она стала сильнее.

Вечером были традиционные дела — уборка квартиры, стирка, приготовление еды на завтра. Алиса занималась домашней рутинной с удовольствием, которое раньше было ей незнакомо. Простые действия — сложить вещи, протереть пыль, полить цветы — приносили ощущение контроля над собственной жизнью. Она управляла своим пространством, своим временем, своим телом. Она была хозяйкой самой себе.

В девять часов вечера она села за рабочий проект. Нужно было доработать несколько чертежей к понедельнику, и Алиса погрузилась в расчёты с головой. Линии, пропорции, масштабы — мир архитектуры был логичен и предсказуем, в отличие от мира человеческих отношений. Здесь действовали законы физики, здесь всё можно было просчитать, здесь не было места предательству и боли.

К одиннадцати она закончила работу и начала готовиться ко сну. Вечерний душ, уход за кожей, шёлковая пижама. Алиса легла в постель, взяла книгу — томик Ахматовой, подаренный Денисом, — и принялась читать. Строчки плыли перед глазами: «Сжала руки под тёмной вуалью...» Она читала и думала о том, что настоящая поэзия всегда немного печальна, потому что печаль — самое глубокое из человеческих чувств.

Книга начала тяжелеть в руках, веки смыкались. Алиса отложила томик на тумбочку, выключила свет и повернулась на бок, устраиваясь поудобнее. День был хорошим. День был правильным. День был наполнен жизнью — той самой, которой она боялась, что больше не сможет жить.

Но как только комната погрузилась в темноту, как только затихли последние звуки с улицы, как только сознание начало соскальзывать в сон, — он пришёл.

Артём.

Не во плоти, не в реальности, но в мыслях — таких отчётливых, таких ярких, словно он стоял рядом. Алиса вспомнила его лицо с той самой полуулыбкой, которую она так любила. Вспомнила его голос — низкий, бархатистый, пробира-

ющий до мурашек. Вспомнила его руки — сильные, с длинными пальцами пианиста, с выступающими венами на тыльной стороне ладоней.

Она закрыла глаза, пытаясь прогнать наваждение, но оно только усилилось. В темноте, лишённая дневных отвлечений, её душа сбрасывала защитные доспехи и обнажала старую рану. Рана всё ещё кровоточила. Всё ещё болела. Всё ещё требовала внимания.

Алиса вспомнила их последнюю совместную поездку за город. Это было в августе, за месяц до разрыва. Они сняли домик на берегу озера, жарили шашлыки, купались под лунной, занимались любовью на террасе, пока над головой мерцали звёзды. Артём был особенно нежен в ту поездку — говорил, что таких, как она, больше нет на свете, что он самый счастливый мужчина на земле, что он хочет прожить с ней всю жизнь. «Всю жизнь, Алиса. До самой старости. До седых волос и скрипучих суставов. Ты и я — навсегда». Она верила. Как можно было не верить, когда такие слова говорились шёпотом в тишине августовской ночи, под стрекот цикад, под шум сосен?

Прошло всего два месяца после той поездки, и он ушёл. Ушёл, оставив букет из девяти белых роз и записку, которую Алиса до сих пор помнила наизусть. «Прости. Любовь осты-

ла. Ты достойна лучшего». Как могло остыть то, что пылало? Как могли потерять смысл слова, которые казались высеченными в камне?

Слёзы снова потекли по щекам — беззвучные, горячие, полные непрожитой боли. Алиса плакала и ненавидела себя за эту слабость. Днём она была сильной, собранной, успешной. Днём она улыбалась и принимала комплименты, работала над важным проектом, ходила на свидания с симпатичными мужчинами. Днём она казалась себе почти исцелившейся. Но ночью, когда некому было притворяться, когда не перед кем было носить маску, — ночью она снова становилась той самой брошенной девочкой, которая стояла посреди пустой квартиры и читала три строчки, перечеркнувшие полтора года счастья.

Она села в постели, обхватив колени руками. За окном падал снег — крупные хлопья медленно кружились в свете уличного фонаря. Алиса смотрела на этот безмолвный танец и думала о том, что её боль похожа на снег — она всё идёт и идёт, заметая душу холодным белым покрывалом. Днём это покрывало кажется чистым и красивым, а ночью под ним обнаруживается мёрзлая земля.

Она попыталась применить техники, которым научилась за время своей борьбы. Глубокое дыхание. Концентрация

на настоящем моменте. Переключение внимания. Вдох — я чувствую прохладу воздуха в ноздрях. Выдох — я отпускаю напряжение. Вдох — я здесь и сейчас. Выдох — прошлого больше нет.

Нет. Не работало. Ничто не работало, когда приходила ночь. Ночь была временем Артёма, временем воспоминаний, временем, когда все защиты рушились, как карточный домик. Алиса могла обмануть кого угодно днём — коллег, подруг, случайных знакомых, даже саму себя. Но ночью правда выходила наружу, а правда заключалась в том, что она всё ещё любила его. Любила, несмотря ни на что. Любила того, кто её бросил, кто растоптал её чувства, кто оказался совсем не тем человеком, за которого она его принимала.

Она встала с постели и прошла на кухню. Налила воды, выпила залпом. Часы показывали половину второго ночи. Завтра снова на работу, снова улыбаться, снова делать вид, что всё в порядке. А сейчас можно было не притворяться. Сейчас можно было просто стоять у окна, смотреть на падающий снег и чувствовать, как по щекам катятся слёзы.

Алиса думала о том, как устроена память. Почему она так избирательна? Почему она хранит хорошие моменты и выбрасывает плохие? Или это не память, а сердце? Сердце, которое не хочет верить в предательство, которое продолжа-

ет цепляться за иллюзию любви, хотя разум давно всё понял и принял. Сердце и разум жили в ней отдельно, как два враждующих соседа. Днём главенствовал разум — логичный, рациональный, умеющий расставлять приоритеты. Ночью власть переходила к сердцу — иррациональному, истеричному, одержимому прошлым.

Она вернулась в спальню и взяла телефон. Открыла мессенджер, нашла чат с Артёмом — он так и висел в списке контактов, хотя все сообщения были удалены. Пустой чат, как пустая могила. Алиса набрала было сообщение — «Почему ты ушёл? Я до сих пор не понимаю», — но не отправила. Стерла, набрала другое — «Мне плохо без тебя», — и снова стерла. Третье — «Ты разрушил меня», — тоже ушло в небытие. Она отложила телефон и уткнулась лицом в подушку.

Эта ночная пытка повторялась почти каждую ночь. Иногда Алисе удавалось заснуть быстро, и тогда она спала до утра без сновидений. Но чаще всего наступал момент — обычно на грани между бодрствованием и сном, — когда защитные барьеры рушились, и она оставалась один на один со своей тоской. И начинался бесконечный внутренний монолог, обращённый к человеку, который никогда его не услышит.

«Где ты сейчас? С кем ты? Вспоминаешь ли ты меня хотя бы иногда? Или я для тебя просто пройденный этап, страница перевёрнутого календаря? Как ты мог забыть всё, что между нами было? Как ты мог вычеркнуть полтора года из жизни — просто взять и вычеркнуть, словно их и не было? Неужели тебе не больно? Неужели тебе всё равно?»

Ответов не было. Тишина звенела в ушах. Снег всё падал за окном.

К трём часам ночи Алиса наконец забылась тревожным сном. Ей снова приснился Артём — на этот раз он сидел за столом в их бывшей кухне и пил чай. «Я вернулся», — сказал он буднично. «Я знал, что ты вернёшься», — ответила она во сне. А потом проснулась.

Утро встретило её серым рассветом и головной болью. Алиса посмотрела на себя в зеркало — под глазами залегли тени, веки припухли. Следы ночных слёз, которые нужно было срочно маскировать. Она умылась ледяной водой, сделала несколько упражнений, чтобы разогнать кровь, нанесла тональный крем на проблемные зоны. Через полчаса из зеркала на неё смотрела прежняя Алиса — красивая, ухоженная, собранная. Ни следа ночных терзаний, ни намёка на душевную бурю.

В офисе её ждала новость — проект жилого комплекса утвердили, и она официально назначена ведущим архитектором. Поздравления, улыбки, шампанское в конференц-зале. Алиса принимала поздравления, говорила ответные слова, строила планы. Днём она была счастлива — или почти счастлива, или умело изображала счастье, что по сути одно и то же.

Но где-то глубоко внутри, под слоями профессионального успеха и внешнего благополучия, тихо плакала другая Алиса — та, которая всё ещё любила Артёма, та, которая ждала ночи, чтобы наконец снять маску и остаться наедине со своей болью. Днём она жила. Ночью она умирала. И это повторялось снова и снова, день за днём, ночь за ночью, без конца и без края.

Глава пятая. Гром среди ясного неба

Январь выдался морозным и солнечным — таким, каким и должен быть настоящий русский январь. Снег скрипел под ногами, деревья стояли в белоснежном убранстве, а небо было пронзительно-голубым, словно нарисованным акварелью. Алиса шагала по расчищенным дорожкам парка, вдыхая чистый ледяной воздух, и думала о том, что жизнь определённо налаживается.

С того декабрьского вечера, когда она согласилась на дружеское свидание с Денисом, прошло больше месяца. За это время они встречались ещё несколько раз — просто гуляли, пили кофе, ходили в кино. Денис оказался на удивление тактичным и терпеливым. Он не форсировал события, не требовал большего, чем она могла дать, просто был рядом — лёгкий, ненавязчивый, приятный. Алиса начала привыкать к его присутствию, как привыкают к хорошей погоде после затяжных дождей.

Проект жилого комплекса продвигался успешно. Алиса полностью погрузилась в работу, и та платила ей взаимно-

стью — чертежи получались безупречными, планировки — продуманными до мелочей, заказчики были довольны. Начальник всё чаще поглядывал на неё с тем особенным выражением, которое предшествует повышению. Казалось, карьера идёт в гору с той же скоростью, с какой заживают душевные раны.

Боль действительно утихала. Постепенно, почти незаметно, как отступает море во время отлива. Если раньше Алиса сравнивала свои страдания с открытой раной, то теперь это был затянувшийся шрам — всё ещё чувствительный, всё ещё напоминающий о себе при неосторожном прикосновении, но уже не кровоточащий. Она научилась жить с этим шрамом, научилась не беречь его понапрасну, научилась отвлекаться и переключаться.

Ночи тоже стали спокойнее. Да, Артём всё ещё приходил в мыслях, всё ещё всплывал в воспоминаниях, но эти вторжения стали реже и короче. У неё появилось что-то вроде иммунитета — внутреннего механизма, который распознавал болезненные мысли на подходе и блокировал их раньше, чем они успевали причинить вред. Алиса гордилась этой способностью, считала её признаком выздоровления.

Подруги тоже заметили перемены. Кристина, заехавшая как-то вечером на чай, смотрела на Алису с нескрываемым

облегчением.

— Ты стала другой, — сказала она, помешивая ложечкой в чашке. — Не той фарфоровой куклой, которая улыбается, а внутри плачет. А по-настоящему другой. Спокойной. Цельной. Я так рада за тебя.

— Я сама за себя рада, — улыбнулась Алиса. — Знаешь, это странное чувство. Когда оглядываешься назад и не понимаешь, как вообще могла так убиваться из-за человека, который не стоил и одной слезинки.

— Это называется «розовые очки спали», — кивнула Кристина. — Когда ты влюблена, ты не видишь недостатков. А когда любовь проходит, удивляешься собственной слепоте.

Алиса не стала уточнять, что любовь ещё не совсем прошла. Она всё ещё любила Артёма — той горькой, остаточной любовью, которая больше похожа на привычку, чем на чувство. Но она уже не была одержима этой любовью. Она могла контролировать её, а не наоборот. И это было огромным шагом вперёд.

Февраль начался с метелей и снегопадов. Город засыпало так, что коммунальные службы не успевали расчищать ули-

цы. Алиса добиралась на работу с приключениями — то автобус застревал в пробке, то такси приходилось ждать по сорок минут. Но даже эти мелкие неприятности не портили ей настроения. Она чувствовала себя частью живого, пульсирующего города, и это ощущение причастности к чему-то большому наполняло её энергией.

В середине февраля случилось событие, которое окончательно убедило Алису в том, что жизнь вернулась в нормальное русло. Ей предложили повышение — должность руководителя архитектурного отдела с соответствующим окладом и пакетом привилегий. Это было признание её профессионализма, её трудоспособности, её преданности делу. В офисе устроили небольшой фуршет, коллеги поздравляли, говорили тёплые слова. Алиса стояла с бокалом шампанского, улыбалась и чувствовала себя абсолютно, стопроцентно счастливой.

— Ты заслужила это, — сказал Денис, который тоже присутствовал на празднике в качестве её друга. — Ты вообще заслуживаешь всего самого лучшего. И я надеюсь, что когда-нибудь ты позволишь себе это лучшее принять.

Он смотрел на неё с такой нежностью, что у Алисы защемило сердце. Денис был хорошим человеком. Надёжным, добрым, заботливым. Рядом с ним было спокойно и тепло.

Но чего-то не хватало. Той искры, того огня, того безумия, которое она испытывала с Артёмом. Впрочем, может быть, это и к лучшему. Может быть, настоящая любовь — это не пожар, а ровное пламя свечи, которое не обжигает, а согревает.

Домой она вернулась поздно, но счастливая. Сняла туфли, прошла в гостиную босиком по мягкому ковру, включила негромкую музыку. За окном мела метель, но в квартире было тепло и уютно. Алиса налила себе бокал красного вина — можно было позволить небольшое отступление от правил в честь повышения, — села в кресло и задумалась о будущем.

Будущее виделось светлым и многообещающим. Новая должность, интересные проекты, финансовая стабильность. Возможно, отношения с Денисом перерастут во что-то большее. Возможно, она наконец сможет полностью открыться для нового чувства. Возможно, всё будет хорошо — просто, спокойно, правильно.

С этими мыслями она отправилась в постель. Уснула быстро и легко, без обычной борьбы с ночными демонами. Ей снился какой-то приятный, светлый сон — она шла по цветущему лугу, и ветер играл её волосами, и где-то вдалеке звучала музыка.

Утро началось как обычно — душ, завтрак, сборы на работу. Алиса красилась перед зеркалом, когда телефон завибрировал, оповещая о новом сообщении. Она бросила рассеянный взгляд на экран и замерла.

Имя отправителя ударило по глазам, как вспышка молнии.

Артём.

Рука, державшая кисточку для туши, дрогнула. Алиса уставилась на экран, не веря своим глазам. Этого не могло быть. Она же удалила его номер, заблокировала во всех мессенджерах. Как он мог ей написать?

Пальцы, внезапно ставшие непослушными, разблокировали телефон. Сообщение было коротким — всего несколько слов, но этих слов хватило, чтобы земля ушла у неё из-под ног.

«Привет, Алиса. Я скучаю. Можно нам поговорить?»

Сердце пропустило удар. Потом другой. А потом понеслось вскачь, как испуганная лошадь, забилось где-то в горле, перекрывая дыхание. Алиса опустилась на край ванны, чувствуя, как кровь отливает от лица, а перед глазами плывут

тёмные круги.

Четыре месяца. Четыре месяца она выстраивала свою жизнь заново, кирпичик за кирпичиком. Четыре месяца она училась дышать без него, спать без него, существовать без него. Четыре месяца боль утихала, заживала, превращалась в терпимую фантомную ломоту, как в ампутированной конечности. И теперь, когда она почти поверила в своё исцеление, — один звонок, одно сообщение, одно имя на экране разбили всё вдребезги.

Она смотрела на слова, которые он написал, и не могла отвести взгляд. «Я скучаю». Он скучает. Спустя четыре месяца молчания, спустя полгода после того, как бросил её с букетом белых роз и дурацкой запиской, — он вдруг скучает. Он хочет поговорить. Как будто ничего не случилось. Как будто можно просто взять и вернуться, перечеркнув месяцы её страданий, слёз, бессонных ночей, изнурительных тренировок, визитов к психологу, попыток построить новую жизнь.

Внутри Алисы поднялась буря. Все чувства, которые она так старательно подавляла, которые загоняла вглубь, которые маскировала улыбками и работой, — все они вырвались наружу одновременно. Гнев, боль, обида, растерянность, страх, надежда — они смешались в гремучую смесь, разрывающую грудную клетку изнутри.

Гнев кричал: «Как он посмел? После всего, что он сделал? После того, как он растоптал тебя, уничтожил, бросил, словно ненужную вещь? После того, как ты месяцами собирала себя по кусочкам? Какое он имеет право просто так появляться в твоей жизни и писать «я скучаю», будто ничего не было?»»

Боль стонала: «Он скучает. Он помнит. Ты не забыта. Ты всё ещё что-то значишь для него. Все эти месяцы ты думала, что он вычеркнул тебя из памяти, а он, оказывается, думал о тебе. Может быть, он понял свою ошибку? Может быть, он хочет всё исправить?»»

Надежда, проклятая, предательская надежда, которую Алиса считала давно похороненной, подняла голову и прошептала: «А вдруг? Вдруг он действительно осознал, что потерял? Вдруг он хочет вернуться? Вдруг всё можно начать заново?»»

Растерянность металась между этими голосами, не зная, кого слушать. Алиса смотрела на телефон, и слёзы — те самые слёзы, которые она не проливали уже несколько недель, — потекли по щекам, смывая только что наложенный макияж.

Она не ответила. Просто не могла. Пальцы не слушались, мысли путались, сердце колотилось с такой силой, что казалось, оно вот-вот выпрыгнет из груди. Алиса отложила телефон, умылась ледяной водой, попыталась взять себя в руки. Получалось плохо.

На работу она опоздала — впервые за долгое время. Коллеги заметили её состояние, но списали на недомогание. Алиса и сама сослалась на головную боль, закрылась в своём кабинете и попыталась работать. Бесполезно. Чертежи расплывались перед глазами, цифры путались, мысли возвращались к одному и тому же: «Я скучаю. Можно нам поговорить?»

Весь день она провела как в тумане. Отвечала невпопад, забывала элементарные вещи, теряла документы. Секретарша дважды напоминала ей о назначенных встречах. К концу рабочего дня Алиса чувствовала себя полностью разбитой, выжатой, опустошённой.

Она не пошла на тренировку — впервые за три месяца пропустила занятие без уважительной причины. Вместо этого поехала домой, заперлась в квартире и села на диван, глядя в одну точку. В голове крутился один и тот же вопрос: что ему нужно?

Четыре месяца молчания. Четыре месяца, в течение которых он ни разу не дал о себе знать. Она проверяла — да, проверяла, чего уж теперь скрывать, — его социальные сети. Они были активны. Он выкладывал фотографии, ставил лайки, жил своей жизнью. Ни одного намёка на то, что он страдает. Ни одной попытки связаться. И вдруг — «я скучаю».

Алиса пыталась мыслить рационально. Почему сейчас? Что изменилось? Может быть, у него не сложились новые отношения? Может быть, он просто хочет потешить своё самолюбие, убедиться, что она всё ещё его любит, всё ещё ждёт, всё ещё готова простить? Может быть, это просто игра, очередной акт спектакля, в котором он — главный герой, а она — массовка?

Но рациональные мысли тонули в океане эмоций. Потому что где-то глубоко внутри, под слоями боли и обиды, под защитными барьерами, которые она так старательно возводила, — там всё ещё жила любовь. Та самая любовь, которую она считала почти побеждённой. Она не умерла, она просто затаилась, притворилась спящей, а теперь проснулась от одного-единственного сообщения.

Ночью Алиса не могла уснуть. Она ворочалась в постели, прокручивая в голове одни и те же мысли. Что ответить? Ответить ли вообще? Может быть, проигнорировать, удалить

сообщение, заблокировать номер и жить дальше, как ни в чём не бывало? Или написать что-то холодное, равнодушное, показать, что он ей больше не нужен? Или согласиться на разговор — просто чтобы узнать, что он хочет сказать?

Телефон лежал на тумбочке, как бомба замедленного действия. Алиса брала его в руки, открывала сообщение, перечитывала, снова откладывала. «Я скучаю». Два слова, которые разбили вдребезги её хрупкое спокойствие.

Около трёх часов ночи она не выдержала. Схватила телефон и набрала ответ — короткий, сдержанный, без единого намёка на те бури, которые бушевали у неё внутри.

«О чём?»

Ответ пришёл почти мгновенно, словно он ждал, не спал, смотрел на экран так же, как она.

«О нас. О том, что случилось. Я многое понял за это время. Пожалуйста, дай мне шанс объяснить».

Объяснить. Он хочет объяснить. Спустя четыре месяца после того, как ушёл без объяснений, оставив только букет и записку. Ирония ситуации была настолько горькой, что Алиса почувствовала, как к горлу подступает истерический смех.

Она не ответила. Просто положила телефон экраном вниз и уставилась в потолок. За окном мела февральская метель, завывал ветер, а в груди Алисы бушевала такая же метель — снежная, холодная, беспросветная. Боль, которая, казалось, утихла навсегда, вернулась с новой силой, словно гром среди ясного неба. И небо её души, ещё вчера такое чистое и безмятежное, снова заволочло тяжёлыми грозowymi тучами.

Глава шестая. Сотня отказов

Сообщение от Артёма разорвало тишину её выздоровления, как удар грома разрывает тишину летней ночи. Алиса не ответила на его последние слова — «дай мне шанс объяснить» — и попыталась жить дальше, но что-то неуловимо изменилось. Внутреннее равновесие, которое она так бережно выстраивала, пошатнулось, а трещины, замазанные временем и трудом, снова проступили на поверхности её души.

Прошло три дня. Три долгих, мучительных дня, в течение которых телефон звонил и вибрировал почти непрерывно. Но звонил не Артём — он замолчал после того короткого ночного разговора, словно ждал, что она сама сделает шаг навстречу. Звонили другие.

Началось всё в четверг. Алиса вышла из офиса после совещания и столкнулась в дверях с Владом — молодым человеком из смежного отдела, с которым они иногда пересекались по работе. Влад был симпатичным шатеном с открытым лицом и доброй улыбкой, но Алиса никогда не воспринимала его иначе как коллегу. Однако в его глазах она, очевидно, была кем-то большим.

— Алиса, — сказал он, слегка запинаясь. — Я давно хотел тебе сказать... Может, сходим куда-нибудь? В ресторан, в театр, куда захочешь. Я... ты мне очень нравишься.

Она посмотрела на него — на его смущённое лицо, на влажные от волнения ладони, на галстук, съехавший набок от нервных движений, — и не почувствовала ничего. Вообще ничего. Ни интереса, ни любопытства, ни даже простого человеческого желания поддержать разговор.

— Прости, Влад, — ответила она ровным голосом. — Я не хожу на свидания.

— Совсем?

— Совсем.

Он отступил, пробормотал что-то про «понимаю» и «извини», и исчез за поворотом коридора. Алиса проводила его взглядом и пожала плечами. Один отказ — невелика потеря.

Но на следующий день всё повторилось. В спортзале к ней подошёл мужчина лет тридцати — высокий, атлетичный, с уверенной манерой держаться. Он представился Антоном и без долгих предисловий предложил выпить кофе после тренировки. Алиса ответила тем же — вежливым, но твёрдым

отказом. Антон удивился, кажется, он не привык получать отказы, но настаивать не стал.

В субботу её пригласил на свидание курьер, доставлявший заказ из интернет-магазина. Парень лет двадцати, с модной стрижкой и татуировкой на шее, протянул ей пакет и вдруг сказал:

— Знаете, я доставляю заказы сотням людей, но такую красивую девушку вижу впервые. Может быть, я слишком смелый, но можно пригласить вас куда-нибудь?

Алиса улыбнулась — просто из вежливости, — но отрицательно покачала головой.

— Извините, я не знакомлюсь.

— У вас кто-то есть?

— Нет. Просто не знакомлюсь.

Курьер ушёл, а она закрыла дверь и прислонилась к ней спиной, чувствуя странную усталость. Что происходит с миром? Почему вдруг все мужчины вокруг решили, что она доступна и открыта для предложений?

В воскресенье ситуация стала совсем абсурдной. Алиса отправилась в торговый центр — нужно было купить кое-что из одежды для новой должности. За три часа, проведённых в магазинах, она получила четыре приглашения на свидание. Одно от продавца-консультанта, второе от мужчины, который помог ей поднять упавшую сумочку, третье от владельца автомобиля, припаркованного рядом с её машиной, и четвёртое — от администратора ресторанного дворика, который сделал ей комплимент и предложил поужинать вместе после его смены.

Четыре приглашения за один день. И это не считая сообщений в социальных сетях, которые сыпались на неё как из рога изобилия. Алиса открыла директ и обнаружила там десятки непрочитанных сообщений от незнакомых мужчин. Кто-то писал комплименты, кто-то сразу звал на свидание, кто-то пытался шутить, кто-то отправлял стихи собственного сочинения. Она листала эти сообщения и чувствовала только одно — глухое, тяжёлое раздражение.

Что они все видели в ней? Смазливое личико? Идеальную фигуру, отточенную месяцами тренировок? Красивую оболочку, за которой никто не желал разглядеть живого человека? Им было всё равно, что у неё внутри. Им было всё равно, что она чувствует, о чём думает, чем живёт. Они видели красивую блондинку и реагировали на неё, как на дорогую

вещь в витрине — хотелось приобрести, обладать, поставить на полку и любоваться.

В понедельник утром Алиса заехала на заправку. Молодой человек за соседней колонкой — дорогой автомобиль, стильная одежда, уверенный взгляд — подошёл к ней, пока она ждала, когда наполнится бак.

— Привет. Я Денис.

— Ещё один, — пробормотала Алиса себе под нос.

— Что, прости?

— Ничего. Слушай, я не знаю, что ты хочешь мне сказать, но если ты собираешься пригласить меня на свидание, то не нужно. Я не хожу на свидания. Вообще. Ни с кем. Спасибо за внимание.

Парень опешил. Видимо, он не ожидал получить отказ до того, как успел озвучить предложение. Он открыл рот, закрыл, снова открыл, но Алиса уже отвернулась, давая понять, что разговор окончен.

Вечером того же дня она сидела в своей гостиной и подсчитывала. За последние четыре дня она отказала двадцати

трём мужчинам. Двадцать три приглашения, двадцать три отвергнутых ухажёра, двадцать три попытки завязать знакомство, разбившиеся о её ледяную вежливость. И она понимала, что это только начало — если так пойдёт дальше, к концу месяца счёт пойдёт на сотни.

Телефон снова завибрировал. Очередное сообщение в директ: «Привет, вы очень красивая. Давайте познакомимся?» Алиса прочитала, удалила переписку, заблокировала отправителя. Это стало рутиной — блокировать, удалять, отказывать. Она чувствовала себя осаждённой крепостью, которую штурмуют со всех сторон, а у неё не осталось ни сил, ни желания обороняться. Только механические действия, только заученные фразы.

Почему это происходило именно сейчас? Может быть, дело было в том, что она действительно стала выглядеть иначе? Занятия спортом сделали её тело подтянутым и рельефным, правильное питание придало коже здоровое сияние, а глаза — те самые серо-голубые глаза — приобрели какой-то новый, притягательный блеск, которого не было раньше. Или, может быть, она просто начала излучать какую-то особенную энергию — энергию свободной женщины, которую инстинктивно чувствуют мужчины?

Но скорее всего, всё было проще. Ей всегда оказывали

знаки внимания, просто раньше она их не замечала, потому что все её мысли были заняты Артёмом. Она шла по улице, глядя только на него. Она сидела в кафе, слушая только его. Она жила в коконе их отношений, и внешний мир со всеми его соблазнами и предложениями просто не существовал для неё. А теперь кокон разрушился, и она оказалась беззащитной перед лавиной мужского внимания. Внимания, которого она не хотела и не просила.

На следующий день Алиса отправилась на работу, надеясь, что в офисе её хотя бы оставят в покое. Но не тут-то было. Около полудня в её кабинет постучался Алексей — финансовый директор компании, солидный мужчина лет сорока, с положением, достатком и репутацией завидного холостяка. Он зашёл под предлогом обсуждения бюджета проекта, но разговор быстро свернул в другое русло.

— Алиса, — сказал он, поправив дорогие запонки. — Я человек прямой и не люблю ходить вокруг да около. Вы красивая, успешная женщина, я успешный мужчина. Почему бы нам не поужинать вместе? Без всяких обязательств, просто приятный вечер в хорошей компании.

— Алексей, я польщена, — ответила она, хотя ни капли не была польщена. — Но я не встречаюсь с коллегами. Это моё железное правило.

— А если я перестану быть коллегой? — улыбнулся он.

— У меня есть предложения из других компаний.

— Дело не в месте работы. Дело во мне. Я сейчас не в том состоянии, чтобы с кем-то встречаться. Извините.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.